

Проклятый хлеб / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Проклятый хлеб / рассказ ПРОКЛЯТЫЙ ХЛЕБ

Анри Брэнну

I.

У дядюшки Тайля было три дочери: старшая — Анна, о которой в семье не принято было говорить, средняя — Роза, восемнадцати лет, и младшая — Клара, еще девчонка, для которой едва наступила пятнадцатая весна.

Дядюшка Тайль, вдовец, работал старшим механиком на пуговичной фабрике г-на Лебрюмана. Он был почтенный человек, очень уважаемый, честный и трезвый — образец примерного рабочего. Жил он в Гавре, на Ангулемской улице.

Когда Анна, как говорится, дала тягу из дому, старик пришел в страшный гнев; он грозил убить соблазнителя — молокососа, приказчика одного из самых больших в городе магазинов мод. Но через некоторое время пошли слухи, что малютка устроилась, остепенилась, что она откладывает сбережения в банк, что она теперь в связи с пожилым человеком, судьей коммерческого суда г-ном Дюбуа, и отец успокоился.

Он даже стал интересоваться ее жизнью и осведомлялся у навещавших ее прежних друзей, и, когда ему рассказывали, что она обзавелась собственной обстановкой, что у нее целая куча цветных ваз на каминах, картины на стенах, золоченые часы и повсюду ковры, легкая довольная улыбка скользила по его губам. А он-то работал целых тридцать лет, чтобы скопить по крохам жалкие пять — шесть тысяч! В конце концов девочка не так уж глупа!

В одно прекрасное утро молодой Тушар, сын бочара, жившего в конце той же улицы, пришел просить у него руки его второй дочери, Розы. У старика забилося сердце. Тушары были люди богатые и с положением, ему прямо-таки везло с дочерьми.

Свадьба была решена, и отпраздновать ее условились со всей торжественностью в Сент-Адрессе, в ресторане тетки Жюза. Это, правда, будет порядочно стоить, ну да что ж, один раз куда ни шло.

Но вот однажды утром, когда старик вернулся домой завтракать и уже садился за стол с двумя дочерьми, дверь внезапно распахнулась и появилась Анна. На ней был роскошный туалет, кольца, шляпа с пером. Она была просто прелесть во всем этом. Она бросилась на шею отцу, который не успел даже ахнуть, потом с плачем упала в объятия обеих сестер, затем села, вытирая глаза, и попросила тарелку: ей хотелось поесть супу за семейным столом. На этот раз дядюшка Тайль был растроган до слез и повторил несколько раз: «Это очень хорошо, малютка, очень хорошо». Тогда она рассказала о цели своего прихода. Ей не хочется, чтоб свадьбу Розы справляли в Сент-Адрессе, ей не хочется этого, ни за что! Свадьбу надо отпраздновать у нее, и это ничего не будет стоить отцу. Она уже сделала все распоряжения, все устроено, все готово – одним словом, она берет все на себя!

Старик повторил: «Это очень хорошо, малютка, очень хорошо». Но вдруг у него возникло сомнение. Согласятся ли Тушары? Роза, невеста, удивленно спросила:

– А почему бы им не согласиться? Предоставь мне это уладить; я сама поговорю с Филиппом.

Действительно, она в тот же день переговорила с женихом, и Филипп заявил, что будет очень рад. Отец и мать Тушары тоже были в восторге от перспективы хорошего обеда, за который им ничего не придется платить. Они говорили:

– Наверно, все будет превосходно; ведь господин Дюбуа в золоте купается.

Они только попросили разрешения пригласить свою приятельницу, мадмуазель Флоранс, кухарку жильцов со второго этажа. Анна охотно согласилась.

Свадьба была назначена на последний вторник месяца.

После формальностей в мэрии и церковной церемонии свадебный кортеж направился к дому Анны. Со своей стороны Тайли пригласили своего пожилого родственника г-на Совтанена, человека, любящего порассуждать, церемонного и напыщенного, от которого ждали наследства; пригласили они и свою старую тетку, г-жу Ламандуа.

Было заранее условлено, что г-н Совтанен поведет под руку Анну. Их нарочно соединили, как самых важных и почетных лиц этого общества.

Когда подошли к квартире Анны, она сейчас же оставила своего кавалера и побежала вперед, сказав:

– Я вам укажу дорогу.

Она бегом поднялась по лестнице, в то время как вереница приглашенных медленно следовала за ней.

Открыв дверь своей квартиры, девушка посторонилась, пропуская гостей, которые торжественно прошли мимо нее, тараща глаза и вертя головой во все стороны, чтобы хорошенько разглядеть эту удивительную роскошь.

Стол был накрыт в гостиной, так как решили, что в столовой будет слишком тесно. Приборы были взяты напрокат у владельца соседнего ресторана. Графины, полные вина, сияли в лучах солнца, падавших из окна.

Дамы прошли в спальню, чтоб освободиться от шалей и шляп, а Тушар-отец, стоя в дверях, подмигивал на широкую и низкую кровать и делал мужчинам шутливые и одобрительные знаки. Дядюшка Тайль, державшийся очень достойно, рассматривал с затаенной гордостью пышную обстановку дочери и переходил из комнаты в комнату, держа в руках свою шляпу, отмечая взглядом каждый предмет, расхаживая по квартире, точно пономарь в церкви.

Анна уходила, приходила, бегала, распоряжалась, торопила с обедом.

Наконец она появилась на пороге столовой, из которой была вынесена мебель, и позвала: «Идите-ка все на минутку сюда». Двенадцать приглашенных поспешили на ее зов и увидели двенадцать рюмок мадеры, расставленных венчиком на маленьком столике.

Роза и ее муж, обнявшись, уже целовались по углам. Г-н Совтанен не спускал глаз с Анны и, должно быть, был охвачен тем пылом и нетерпением, которые волнуют всех мужчин, даже старых и безобразных, вблизи женщин легкого поведения, словно те должны по своему ремеслу, по долгу профессии отдавать частицу себя каждому самцу.

Затем все сели за стол, и начался обед. Родители занимали один конец стола, молодежь – другой. Г-жа Тушар-мать председательствовала направо, новобрачная – налево. Анна заботилась о всех и каждом, следила, чтобы бокалы были всегда налиты, а тарелки всегда наполнены. Какая-то почтительность, смущение, робость перед богатством квартиры и пышностью сервировки парализовали гостей. Ели много, ели вкусно, но никто не веселился так, как полагается веселиться на свадьбе. Всех стесняла слишком изысканная обстановка. Г-жа Тушар-мать, любившая посмеяться, старалась оживить общество и, когда подали десерт, крикнула: «А ну, Филипп, спой-ка нам что-нибудь!». Ее сын славился у себя на улице своим красивым голосом, лучшим во всем Гавре.

Новобрачный сейчас же встал, улыбнулся и, повернувшись, из вежливости и галантности, к свояченице, стал подыскивать что-нибудь подходящее к случаю, что-нибудь серьезное, вполне приличное и соответствующее торжественности обеда.

Анна с довольным видом откинулась на спинку стула и приготовилась слушать. Все стали внимательны, на лицах появилась неопределенная улыбка.

Певец возвестил:

– «Проклятый хлеб».

И, округлив правую руку, отчего сюртук полез ему на шею, начал:

Священный это хлеб, что у земли весь век

Должны мы отнимать победными руками.

То трудовой наш хлеб, и честный человек

Семье его несет, счастливый, вечерами.

Но есть и хлеб другой, влекущий как цветок,

Проклятый хлеб, что ад взрастил рукой тлетворной!
Проклятый хлеб, что ад взрастил рукой тлетворной!
Поосторожней с ним. В нем затаен порок.
О дети милые! Не ешьте хлеб позорный!
О дети милые! Не ешьте хлеб позорный!

Весь стол бешено заплодировал. Тушар-отец заявил: «Вот это здорово». Приглашенная кухарка повертела в руках горбушку хлеба, с умилением глядя на нее. Г-н Совтанен пробормотал: «Очень хорошо». А тетушка Ламандуа уже вытирала себе глаза салфеткой.

Новобрачный возвестил: «Второй куплет!» – и затянул его с возрастающей силой:

Почтенье к беднякам, что под ярмом годов
Несмело просят нас пооблегчить их муку.
Но заклеим того, кто молод и здоров,
Но вдруг, забросив труд, протягивает руку.
Такое нищенство – грабеж у стариков,
Грабеж у тех, кто смят, согбен работой черной!
Грабеж у тех, кто смят, согбен работой черной!
Презрение тем, кто есть хлеб лениности готов!
О дети милые! Не ешьте хлеб позорный!
О дети милые! Не ешьте хлеб позорный!

Все, даже оба лакея, стоящие у стен, хором проревели припев. Из-за фальшивых и визгливых голосов женщин густые голоса мужчин сбивались с тона.

Тетушка и невеста плакали навзрыд. Дядюшка Тайль сморкался с шумом тромбона, а Тушар-отец в экстазе размахивал целым хлебом, доставая им до середины стола. У кухарки-гостьи немые слезы капали прямо на горбушку, которую она сжимала в руках.

Г-н Совтанен провозгласил среди общего волнения:

– Вот поистине здравые мысли, далекие от разных плоских шуточек.

Анна, тоже взволнованная, посылала сестре воздушные поцелуи и дружески кивала ей на мужа, как бы поздравляя ее.

Молодой человек, опьяненный успехом, продолжал:

В лачуге у себя, прекрасна и юна,
Швея задумалась. Ее волнует что-то.
О бедное дитя! Родителям – одна
Ты радость, счастье, свет! Так не бросай работу.

В постыдной роскоши найдешь ли сладкий сон,
Когда умрет отец, проклявши путь твой торный?
Когда умрет отец, проклявши путь твой торный?
Хлеб обесчещенный слезами орошен!
О дети милые! Не ешьте хлеб позорный!
О дети милые! Не ешьте хлеб позорный! [1]

Только оба лакея и Тушар-отец подхватили припев. Анна, вся бледнея, опустила глаза. Новобрачный озадаченно оглядывался, не понимая причины внезапной холодности. Кухарка быстро выпустила из рук горбушку, как будто та стала вдруг ядовитой.

Г-н Совтанен, желая спасти положение, важно заявил:

– Последний куплет – это уж лишнее. Дядюшка Тайль, красный до ушей, бросал вокруг себя свирепые взгляды.

Тогда Анна, глаза которой были полны слез, сказала лакеям упавшим голосом, голосом плачущей женщины:

– Принесите шампанское.

Гости вздрогнули от радости. Лица просияли. И так как Тушар-отец, который ничего не заметил, ничего не почувствовал, ничего не понял, все еще продолжал петь, размахивая своим хлебом и показывая его гостям:

О дети милые! Не ешьте хлеб позорный! –

то и вся компания, наэлектризованная видом появившихся бутылок с серебряными горлышками, грянула изо всех сил:

О дети милые! Не ешьте хлеб позорный!

* * *

[1] Перевод Евгения Сокола.

Напечатано в «Жиль Блас» 29 мая 1883 года под псевдонимом Мофриньёз.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 3. МП
«Аурика», 1994
Перевод С.С.Вигдор. Некаýalar